

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
КАК
ЛИТЕРАТУРА»

СБОРНИК В ЧЕСТЬ
С. Г. БОЧАРОВА

А

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРА»

СБОРНИК В ЧЕСТЬ
С. Г. БОЧАРОВА

Ответственный редактор
И. Л. Попова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б 72

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-16063

Б 72 «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С. Г. Бочарова /
Отв. ред. И. Л. Попова. — М.: Языки славянской культуры; Прогресс-
традиция, 2004. — 512 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0016-4

Настоящая книга собрана как поздравление современному филологу Сергею Георгиевичу Бочарову, и в заглавие сборника вынесен сформулированный им тезис. В предисловии к книге «Сюжеты русской литературы» (1999) автор писал: «Литературоведение это тоже литература, и филолог это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово». И дался: «Филологическая работа — продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания».

Характер настоящей книги отвечает этому убеждению филолога. В книге участвуют не только профессионалы литературоведения,истики и теоретики литературы, а также лингвисты и философы, но и писатели, «слово теории» сходится на ее страницах с литературно-эстетическим словом прозаиков наших дней. В упомянутом предисловии С. Г. Бочаров солидарно ссылаясь на высказывание другого филолога, А. В. Михайлова, о том, что слово теории должно быть в глубоком родстве со словом самой поэзии, и даже рассматривал это высказывание (имевшее полемическим фоном известные схематизирующие тенденции современной теории, согласно которым язык исследования, «язык описания» принципиально отличается как научный от исследуемого языка художественного) как своего рода эпиграф к собственной филологической работе. Хотелось бы, чтобы это высказывание могло стать эпиграфом и к той картине филологических сюжетов, которая совместными усилиями ее участников собрана в настоящей книге.

ББК 83.3

*Идея издания этой книги возникла на конференции в честь С. Г. Бочарова,
организованной в Институте мировой литературы Л. И. Сазоновой*

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРА»

Сборник в честь С. Г. Бочарова

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовила Л. Гоготова

Корректоры М. Куренкова, Л. Щеголева

Художественное оформление переплета О. Максимовой и Ю. Саввина

Подписано в печать 18.07.2004. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Гарнитура Таймс Усл. печ. л. 41,28. Тираж 800. Заказ № 4195

Издательство «Языки славянской культуры» ЛР № 02745 от 04.10.2000

Тел.: 207-86-93 Факс (095) 246-20-20 (для аб М153). E-mail: Lit@omtlv.ru

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-9551-0016-4

9 785955 100166

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Н. Топоров. Дорогому Сергею Бочарову</i>	7
--	---

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОЭТИКА. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА.

<i>М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург). Мифологема «чужого мира» в историческом самосознании Киевской и Московской Руси (XI—XVI вв.)</i>	13
<i>Л. И. Сазонова. Общеευропейские черты восточнославянского барокко: Из наблюдений над поэтикой</i>	31
<i>Валентин Непомнящий. Из дневника пушкиниста</i>	50
<i>Самуил Шварцбанд (Иерусалим). О «Наполеоне» А. С. Пушкина и «Разговоре в Кишиневе» В. Ф. Раевского</i>	59
<i>Н. К. Гей. Кому посвящены «Повести Белкина»?</i>	75
<i>Ю. В. Манн. «Первая идиллия Гоголя»</i>	79
<i>Л. В. Дерюгина. Пушкинское и Пушкинско-Петербургское в «Невском проспекте»</i>	84
<i>И. Л. Попова. Мотивы старообрядческой легенды о граде Китеже в драме А. Н. Островского «Гроза»</i>	111
<i>Агнеш Дуккон (Будапешт). «Лишние люди» или шиллеровский дуализм в интерпретации Тургенева</i>	131
<i>Дёрдь Сёке (Будапешт). Возможный сюжет или подводное течение? (О рассказе Чехова «Дом с мезонином»)</i>	131

* * *

<i>Лена Силард (Сассари, Италия). К проблеме эстетического самосознания русского символизма</i>	135
<i>Л. А. Гоготшвили. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)</i>	148
<i>С. Н. Бройтман. Пушкин и русский символизм</i>	176
<i>И. Б. Роднянская. Свободно блуждающее слово: К философии и поэтике семантического сдвига</i>	183

<i>Ирина Сурат. Мандельштам и Пушкин: лирические сюжеты</i>	197
<i>Татьяна Дубровина. «Тяжелее платины Сатурново кольцо...»</i> (Гипотеза о некоторых психологических аспектах поэтики О. Мандельштама)	234
<i>Ю. Н. Чумаков (Новосибирск). На периферии</i> «Петербургского текста»	247
<i>Мишель Окутюрье (Париж). Поэт и философия (Борис Пастернак)</i>	255
<i>М. О. Чудакова. Дочь командира и капитанская дочка</i> (Рейнкарнация героев русской классики)	274

* * *

<i>Вардан Айрапетян (Ереван). Толкуя слово: Из дополнений (2002)</i>	293
<i>Н. Д. Тамарченко. Структура сюжета в большой эпической форме</i>	313

ВОКРУГ М. М. БАХТИНА

<i>Н. И. Николаев (Санкт-Петербург). Невельская школа философии</i> и марксизма (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина)	323
<i>Л. В. Пумпянский. «О марксизме». Публикация Н. И. Николаева</i>	331
<i>В. Е. Хализев. Теория поступка М. М. Бахтина</i> в контексте философии XX века	339
<i>И. Н. Фридман. По направлению к рампе: Бахтинский «хронотоп»</i> как общезстетическая категория	364
<i>В. Л. Махлин. «Замедление»: задача обратного перевода</i>	394
<i>Галин Тиханов (Ланкастер, Великобритания). Николай Бахтин</i> как переводчик Александра Блока	418
<i>Вадим Ляпунов (Блумингтон, Индиана, США). В продолжение</i> комментария к «Автору и герою в эстетической деятельности». Примечание 109: Киркегор	423

ПРОЗА

<i>Андрей Битов. Литературный герой как герой (Рассуждение</i> в жанре интеллектуального примитива)	429
<i>Людмила Петрушевская. Прелюдия к одному рассказу.</i> Стихи и песни	435
<i>Ольга Шамборант. Занимательная геронтология</i>	443
<i>Юз Алешковский (Кромвель, Коннектикут, США). Головоломка</i>	451
<i>Александр Суконик (Нью-Йорк). О высоком и низком</i> (Мой постскриптум)	463
<i>Г. Д. Гачев Теон и Эскин. Бочаров и я</i>	485

Дорогому Сергею Бочарову

Вы знаете, конечно, что в русском слове *смысл* первое *с-* является префиксом, но многим, вероятно, неизвестно, что в этом префиксе некогда слились два отдельных префикса — один, восходящий к и.-евр. **si-* ‘хороший’, ‘благый’, другой, происходящий из и.-евр. **som-* и обозначающий соединение, синтез (в именных сложениях это **som-* дает *су-*, из *сж-* ср. *су-пруг*, *су-сед*, соотв. *сжпржгъ*, *сжсѣдъ*). Так и стало в русском языке (и так должно было стать в жизни) — что соединено, что вместе, в согласии друг с другом, то и хорошо. Но «хорошо» не всегда отсылает к идее соединения, хотя в своем абсолютном состоянии оно предполагает, что хорошо всем — и мне, и тебе, и людям к миру, и своим и чужим, а это, собственно, и есть состав соединенного цельноединого.

Язык со временем меняется, и мы в значительной степени утрачиваем чувство языка прошлой эпохи, хотя таинственная сила смысла продолжает еще какое-то время жить в говорящем, пусть только в его бессознательном или подсознательном. Но если этот говорящий — поэт своего языка, не только «пользующийся» им, но и творящий в нем, он может пробиться к тайне исходного смысла. Конечно, мы можем вполне говорить не только о хорошем, но и о плохом, неправильном смысле, тогда как в своей основе и в своем начале *смысл* может быть только благим и истинным. Поэтому в некоем умозрительном философско-языковом базовом словаре в соответствующей статье должно бы было стоять: первое значение — *смысл* (благый), второе — *смысл* (всякий), *неправ*. Нужно только заметить, что и наше языковое различение хорошего и плохого часто слишком приблизительно, поверхностно, определяется злобой дня. У плохого, даже если оно действительно плохое, может быть и своя благая часть. Так, слово *смерть* (*сѣ-мрътъ* < **su-mŕt-*), подобно словам *счастье* (*сѣ-частіе* < **su-čest-*) или *здоров* (*сѣ-дравъ* < **su-dorv-*, тот же корень, что и в слове *дерево* < **derv-*), отсылает к семантическому множителю «положительности-благости» и некогда обозначало *хорошую* смерть, т. е. скорую и непостыдную, а *плохая* смерть — болезненная, мучительная, насильственная, постыдная — называлась *навѣ* (тот же корень, что и в *ныть*, *унывать*). Но и в современном русском языке немало следов, свидетельствующих о том, что в «сильной» позиции *смысл* по самой своей идее благ и сейчас, потому что он отсылает к бытию и истине, к той *естине-истине*, которая усвоена народным языковым и нравственным сознанием (вопреки реальному положению дел). Когда говорят: *есть смысл, что-*

бы..., в слово *смысл* вкладывают идею благого, истинного, надежного основания, высокой целесообразности, более того, смыслу приписывается бытие, само явление которого благо и отсылка к соединенному из разных частей целому, а такое целое безмерно выше «природного», т. е. порожденного (а не сотворенного) целого как искони существующего монолита. Сотворенность целого отсылает к творцу — Богу или человеку прежде всего, и поэтому явление смысла, как и само это слово *смысл* предполагает сферу богочеловеческого и специально — «антропную» доминанту.

С таким смыслом, кажется мне, и работает много десятилетий наш выдающийся литературовед-мыслитель Сергей Георгиевич Бочаров. Поле его размышлений образует великий текст русской литературы в его высших проявлениях — Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов... И в этих хорошо известных и изученных, читанных и перечитанных текстах он ищет *смысл* как некое интегральное целое и *смыслы* как всё многообразие отражений этого целого. *Смысла я в тебе ищу и Тайный твой язык учу* — по сути дела, одно и то же. Только ища смысл, учатся самому искусству его поиска, и только в этом поиске обретается сам смысл, который никогда не задан, но всегда иском и никогда до конца не находим, потому что он всегда в развитии, и потому еще, что его глубина столь велика, что уходит в будущее, которому предстоит дать воплощение тому, что потенциально хранилось в глубине прошлого. И в этом деле исследователь смысла оказывается не только разведчиком его, но отчасти родовспомогателем и даже творцом.

Но поиск подлинного смысла никогда не бывает прямой дорогой, и его никогда нельзя обрести случайно, как оброненный кем-то кошелёк. Поиск неизбежно сопряжен с колебаниями, сомнениями. Можно напомнить, что ст.-слав. *съ-мьнѣти*, как и соответствующее древнерусское слово, обозначает не только состояние колебания-сомнения (*διακρίνω-σαι, διατάζειν*), но и размышление, раздумывание (*σκέπτεσθαι*, так сказать, пребывание в скептическом состоянии), а слово *смысл* обозначает, помимо разума, ума, способа мышления и т. п., еще и *замысел, намерение, цель*, переводя др.-греч. *σκοπός*, т. е. то, к чему можно только стремиться, усваивая промежуточные явления-откровения смысла. Ни читатель, ни исследователь, ни сам автор, ни даже сам текст его не являют всю мыслимую полноту смысла, но обоюдное сотрудничество всех их, соединение вокруг смысла позволяет иногда заглянуть и, если не понять, то почувствовать последние его светлые бездны. Но не всякому дано войти в подлинное общение со смыслом, столь необходимое для обеих сторон. Смысл, запертый в тексте и еще не проявленный, томится в ожидании своего освободителя — исследователя ли, читателя ли — *Divina eloquia cum legente crescunt*, по известному слову.

Сергей Георгиевич — из тех немногих избранных, званных на пиршество смысла за его серьезность, несуетность, устойчивость перед соблазнами, глубину, верность смыслу до забвения себя самого ради невредения смысла и нахождения этого «невреденного» смысла во всей его силе.

Личное. Я встретил Сергея Георгиевича более полувека назад при случайных обстоятельствах и только позже понял, что случайность была не более чем поверхностью или изнанкой чего-то противоположного случайности и, несомненно, более фундаментального, чем она, полного с м ы с л а. За прошедшие десятилетия я узнал Сергея Георгиевича, оценил его, многое от него получил, был сочувственным его и ему собеседником. Из моей жизни его не вычеркнуть.

В. Н. Топоров